

ГОРЬКИЙ — ВОРОНСКОМУ

<Сорренто, 3 декабря 1930 г.>

Доброго здоровья, Александр Константинович!

Я искренно рад тому, что Вы снова на большой работе, и чертовски хорошо, что Вами затеян этот сборник — «Шестидесятники».

Но не кажется ли Вам, что однотомник в 60 л<истов> будет неуклюж и неживуч, — при плохой нашей технике рассыплется в прах, будучи прочитан пяток, десяток раз?

Весьма советовал бы Вам взять у Воронова из его автобиографической повести картину порки арестанта, — отлично написано! А у Левитова — «Самовар», у Решетникова обратите внимание на «Николу Знаменского». Простите, что советую, штуки эти Вы знаете, конечно, лучше меня.

Не забудьте Нефедова и Бажина; у последнего в одной из повестей очень хорошо рассказано, как мужики собираются в отхожие промысла; заголовок повести — не помню.

У Слепцова возьмете «Утопленника» и «Спевку» или что? А почему в перечне авторов забыт Помяловский? У него следовало бы взять «Вукола» и «Охту», у Петрова: «Сватовство», забавная вещь! Напечатана в «О<течественных> з<аписках>» до 68г., т. е. еще при Краевском.

Само собою разумеется, — статью пришлю, но тема ее будет: как народники воспитывали молодежь 80-х г<оков>. Политическую же оценку литературы народников должен дать, конечно, уж не я.

Златовратский пропущен в перечне авторов. Вот что, дорогой А. К., — уж если Вы начали это полезнейшее дело, так его надобно продолжать, а потому очень советую Вам организовать еще одну книгу, социально-политическое значение которой будет еще более, чем «Шестидесятники», полезно нашей молодежи¹.

Книгу эту надобно сделать тоже по типу «Шестидесятников» и дать ей титул — примерно — такой: «История разночинца». Начать с «петрашевцев», взяв, частями, роман одного из них — Пальма-Альминского «Алексей Слободин», дополнив его воспоминаниями Ахшарумова; далее использовать частями же Омурлевского, Засодимского, Мордовцева, Степняка-Кравчинского; ряду героев этих авторов можно даже посвятить статью с большими выдержками из романов, дабы не перегружать сборник литературой художественно малоценной. Далее: «Николай Негорев» Куцевского, «Молотов» и «Мещанское счастье» Помяловского и еще кое-что, более мелкое, напр., «Галахов» Флеровского-Берви, напечатано в журнале Златовратского, который назывался, кажется, «Устой», — «Гамлеты пара на грош» напечатано в одном из журналов Оболенского — «Свет», «Мысль» или «Русское богатство».

Далее доходим до «Записок ни павы, ни вороны» Осиповича-Новодворского и продолжаем нисходящую линию: «Сашенька» Дедлова-Кигна, «Поумнел» Боборыкина, «Новые люди» Потапенко и т. д. по этой линии вплоть до «Санина» — Арцыбашева.

Эта печальная история революционной немощи и, одновременно, история мучительных, — а порою смешных, — шатаний молодого человека около жизни, мне кажется, будет чрезвычайно поучительна для современной нашей молодежи, равно и для начинающих литераторов².

Еще дальше, точнее, — ближе. На днях я был в среде трехсот «ударников» наших, встретил среди них и литератора³. Я давно уже примечаю за молодыми литераторами, что они крайне плохо вооружены фактами, что знакомство с прошлым у них «шапочное» и что поэтому у них — даже когда они марксисты — теория висит в

воздухе, усвоена внешне, схоластически, по обязанности. Литератор должен быть насыщен фактами не только от современности, но и от вчерашнего дня. А посему литераторам нужно дать нечто возбуждающее аппетит к познанию прошлого. Таким средством могла бы явиться книга, посвященная, как сказать, бытовой или «технической» истории революционеров. Материала для создания такой истории — 600 пудов. Начать ее с «хождения в народ», выяснив предварительно причины этого путешествия.

Тут Вам помогут мемуары Дебагория-Мокриевича, книги Кравчинского, Тихомиров, — и бесчисленное количество подобных книг, освещающих быт, взаимоотношения, условия работы, жизнь в тюрьмах, ссылке и т. д. По сем переходим к рождению и младенческим годам социал-демократии, освещая быт ее и — особенно! — подпольную работу. Ну, об этом я уже не буду рассказывать Вам, сами знаете.

Скажу только, что крайне важно, на мой взгляд, подчеркнуть чувство дружбы между товарищами, ибо это чувство, мне кажется, сильно завяло, истощилось.

Вот сколько я Вам написал! Думаю — годится.

Забыл прибавить: нужно осветить и работу боевой организации при ЦК б<ольшевиков> 905—6 гг. Все это, разумеется, написано наспех. Здоровье? Скрипит. А Вы — как? Помог Вам Замков?⁴

Крепко жму руку.

3.XII.30.

А. Пешков

А что Вы повести и рассказы начали писать, так это весьма похвально. Судя по «Живой и мертвой воде», писатель Вы — хороший, т. е. — способностью изображения словами боги наградили Вас весьма щедро. Не комплимент. История с Мирой и дочерью исправника написана очень хорошо⁵. И пейзаж пишете тонко. Вообще эта книга отлично вышла у Вас.

Добрый путь! Искренно желаю успеха.

А. П.

¹ По совету Горького редакция включила в состав тома «Шестидесятники» повесть М. Воронова «Детство и юность», очерк «Арбузовская крепость» (из сборника «Болото», который первоначально целиком предполагалось напечатать в одномомнике), рассказ Ф. М. Решетникова «Никола Знаменский», очерк Н. Г. Помяловского «Вукол» (кроме того, редакция включила в одномомник «Очерки бурсы»; незаконченный рассказ Н. Г. Помяловского «Поречане», ошибочно названный Горьким «Охта», в одномомник не вошел); рассказ М. Петрова «Сватовство» в одномомнике не напечатан (в сборник был включен очерк М. Петрова «Выборы»).

К. Чуковский в письме Горькому писал: «Сейчас я закончил для Воронского работу над книгой «Шестидесятники», о котором он писал Вам. В эту книгу я ввожу отличное «Детство» Воронова, «Выборы» Петрова, «Питомка», «Свиньи», «Ночлег», «Сцены в больнице» Слепцова — и пять-шесть очерков Николая Успенского. Помяловский будет представлен «Вуколом» и «Бегами бурсы», которые впервые появятся в подлинном виде, так как найдена его бесцензурная рукопись. Вы советовали Воронскому взять «Сватовство» Петрова из «Отечественных записок». Я такого рассказа не нашел. Там есть его «Наносная беда» — рассказ реакционный и фальшивый» (АГ).

Произведения Н. Н. Златовратского («Устои», ч. III и IV) вошли в одномомник «Семидесятники».

² Замысел Горького «История разночинца» не был осуществлен. Некоторые из названных книг вышли в 30-е годы отдельным изданием: П а л ь м (П. Альминский). Алексеи Слободин. Л., «Молодая гвардия», 1931; Д. А х - ш а р у м о в. Записки петрашевца. М.-Л., «Молодая гвардия», 1930; С. С т е п н я к - К р а в ч и н с к и й. Андрей Кожухов. М., Детгиз, 1934;

Он же. Подпольная Россия. М., «Молодая гвардия», 1931; Он же. Ольга Любатович. М., «Молодая гвардия», 1931; Н. Ку щ е в с к и й. Николай Негорев, или Благополучный россиянин. Новосибирск. Зап.- Сиб. Краевое изд-во, 1937; Н. Помяловский. Молотов. М., ГИХЛ, 1931, Он же. Мещанское счастье. М., Журнально-газетное объединение, 1932.

³ В последних числах ноября 1930 г. Горький в Неаполе встретился с ударниками, которые были премированы заграничной поездкой на теплоходе «Абхазия».

Вероятно, Горький пишет о Николае Владимировиче Богданове (р. 1904), авторе книги (Первая девушка) (М., «Молодая гвардия», 1928).

Отзыв о книге Н. В. Богданова см. в статье Горького «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (Собр. соч., т. 26, стр. 69—70).

⁴ Алексей Андреевич Замков (1881— 1942) — врач, лечивший Горького.

⁵ Горький имеет в виду эпизод из 2-й книги А. К. Воронского «За живой и мертвой водой».